

ΠΟΥΠ ΒΡΟΚ

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

ПОУП БРОК

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

ШАРЛАТАН

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б88

Серия «True Crime»

Pope Brock

CHARLATAN

Перевод с английского *Е. Осеневой*

Серийное оформление и дизайн обложки *И. Озерова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств David Black Literary Agency, Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Брок, Поуп.

Б88 Шарлатан / Поуп Брок ; [перевод с английского
го Е. Осеневой]. — Москва : Издательство АСТ,
2020. — 352 с. — (True Crime).

ISBN 978-5-17-107000-7

В 1917 году Джон Р. Бринкли прибыл в крошечный городок Милфорд, штат Канзас. Здесь он открыл медицинскую практику и представил диковинный метод восстановления угасающей мужской силы — с использованием козлиных желез. Тысячи клиентов быстро превратили «доктора» в самого богатого и знаменитого хирурга Америки.

Его слава привлекла внимание другого великого шарлатана — Морриса Фишбеина, который поклялся выбросить из бизнеса «самого дерзкого и опасного» мошенника страны. Но все его усилия, казалось, только подстегивали Бринкли к новым вершинам — он занялся радиовещанием и политикой, причем его методы предвыборной агитации используются до сих пор.

Чем закончилась их игра в «кошки-мышки»? И был ли на самом деле Бринкли изобретательным шарлатаном, искалечившим сотни пациентов, или медиком-экспериментатором, как профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца»? В этой книге Поуп Брок раскрывает тайны одной из самых громких афер в истории Америки.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Pope Brock, 2008

© Перевод. Е. Осенева, 2018

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-107000-7

*Моим дочерям
Молли и Ханне*

Истина, сэр, подобна корове. Есть те, кому она отказывает в молоке, — так они норовят подоить быка.

Сэмюел Джонсон

ПРОЛОГ

Под ножом, под обстрелом 15 сентября 1930

На демонстрацию прибыли все члены комиссии, кроме тех, что ехали на машине из Канзас-Сити — их задержала плохая дорога. Было почти одиннадцать, когда они наконец добрались до Милфорда — неприметного городка на берегах реки Репабликан, замечательного разве что выдающейся величины зданием почты.

На подъезде к клинике шофер занялся поиском прохладного места для парковки. Но таких мест не оказалось: то лето в Канзасе было самым жарким из всех со времен начала наблюдений. Вместо обычной картины густых зарослей кукурузы на мили окрест простиралась лишь растрескавшаяся, утыканная сухими стеблями земля — пустынная, если не считать редких и тощих, как тростинки, тополей. Скелет радиобашни лежал на голую землю тенями переплетов, и эти тени казались на ней точно нарисованными.

Хлопнула внутренняя дверь, и к прибывшим вышла с приветствиями пара сотрудников. В конференц-зале их уже ждали коллеги и, что было отраднее, лимонад.

Вскоре председатель Медицинского совета штата Канзас доктор Дж. Хассиг вместе с коллегами и репортерами, всего более двадцати человек, поднялись по узкой лестнице на второй этаж. Вел группу Гора-

циус Дуайт Осборн, правая рука руководителя клиники и воплощение, как казалось, собачьей преданности, ибо голову он неизменно наклонял только в одну сторону — правда, потому, что на другое ухо был глух.

Толпа двигалась по коридору. Когда доктора заглядывали в палаты, на их лицах отражалось сдержанное удивление. Может быть, зависть? (По свидетельству репортера, обстановка «по современности оборудования, удобству и роскоши превосходила те условия, в которых они привыкли работать у себя дома».) Шестнадцать отдельных палат были не похожи одна на другую: каждую украшали пухлый диван, жизнеутверждающие произведения искусства и разного рода безделушки, в чем, несомненно, проявился вкус миссис Бринкли. Из радиорепродукторов на тумбочках неслись мелодии кантри. Одним словом, гости наблюдали исключительный союз привлекательности и исцеляющего искусства. А то, что к тому времени прославленный врач Джон Р. Бринкли, доктор медицины, доктор философии, доктор естественных наук, член конгресса штата и прочее, выбрал в качестве медицинской мекки столь маленький городок, как Милфорд, делало атмосферу клиники еще душевнее.

Закончив осмотр клиники, группа вернулась на первый этаж, где задумчиво созерцала экспонаты так называемой комнаты трофеев, в которой доктор выставил часть анатомических редкостей из своего собрания.

Затем кто-то увидел в окно хозяина клиники: Столп Человечности, как прозвали его китайцы, направлялся к зданию. Быстрый, небольшого роста, с рыжеватой вандейковской бородкой, доктор Бринкли был в полном облачении и шапочке хирурга. Маску он держал в руке.

В холле нижнего этажа доктор обменялся рукопожатиями с некоторыми из гостей. Он казался совершенно спокойным — недоступное никакому давлению

вместилище научной мысли. Конечно, он проводил свою знаменитую процедуру сотни раз, но никогда прежде перед такой выдающейся аудиторией.

Еще одно рукопожатие, приветственные и благодарные взмахи руки остальным, и доктор скрылся в операционной. Ассистент раздал стерильные халаты. Когда последняя тесемка была завязана, другой помощник распахнул дверь:

— Пожалуйста, сюда, джентльмены!

Началась толкотня. Двенадцать членов Медицинского совета штата плюс четверо хирургов-наблюдателей и, конечно, пресса — эти неотесанные, лишенные всяких представлений о манерах маргиналы — разом пытались протиснуться в зал, вместе с тем оставив достаточно места и для сотрудников Бринкли, и для человека на операционном столе, которого Бринкли тут же и представил собравшимся:

— Это мистер Икс.

Поднялся невнятный гул приветствий. Мистер Икс, в котором признали пятидесятипятилетнего местного почтальона, улыбался, но хранил молчание.

По знаку своего мужа миссис Бринкли, дама в очках и трапециевидном медицинском чепце, выступила вперед и сделала пациенту местную анестезию, дважды уколов его спину пониже талии. Другие ассистенты налаживали свет — крутили и направляли расположенные зонтиком над операционным столом лампы до тех пор, пока доктор не остался доволен результатом.

Затем помощник привел из подвала козла.

Почему этот козел находился в подвале, так и осталось без объяснений. Обычно животные содержались здесь в загонах на свежем воздухе, даже сейчас через открытое окно доносилось бляение. Впрочем, значення это обстоятельство не имело, важно было лишь то, что именно этот трех-четырёхнедельный козлик являлся личным выбором мистера Икс.

Дрожащее животное поставили на дополнительный столик — копытца козлика выбивали дробь. Миссис Бринкли придвинула стул и села у столика. Кончиками пальцев, только что обработанных антисептиком, она касалась разложенных на подносе блестящих инструментов. Рядом стояла медицинская сестра с ворохом марли.

Ассистент удерживал голову козла, в то время как жена доктора обрабатывала ртутнохромом нижнюю часть козлиного брюха. А затем она взяла в руки маленькие ножнички.

По свидетельству кого-то из присутствующих, «по коридорам всего здания звенело громкое козлиное блеяние».

Медсестра протянула руки, и миссис Бринкли передала ей одно за другим яички козла. К тому времени как доктор закончил надевать резиновые перчатки, тестикулы козла, лежащие на сверкающей стали подноса, уже находились возле него.

Пациент лежал, слабо привязанный ремнями к операционному столу. Доктор Бринкли придирчиво осмотрел оба яичка, а затем натянул маску и приступил к работе.

«Никто из присутствовавших на этой необычайнейшей из показательных операций по ее окончании не мог бы усомниться в том, что [Бринкли] обладает изрядным запасом хладнокровия», — писала «Канзас-Сити джорнал пост».

Кроме доктора Бринкли, возле самого стола находились доктора Нессельроде, Эджертон, Орт и Карр, четверо «официальных наблюдателей», задача которых заключалась в научно обоснованном докладе об увиденном. Мистер Бринкли, однако, позаботился и о том, чтобы все происходящее было хорошо видно каждому из присутствующих, и не забывал время от времени отрывать от работы, чтобы пояснить тот

или иной шаг в операции, которую он определил как четырехступенчатую. Доктор Хассиг, дотошно записавший все манипуляции, указывает, что «сперва доктором были сделаны два разреза, через которые с помощью шприца он впрыснул пациенту примерно по два кубика полупроцентного раствора ртути», после чего в «свободно висевшую ткань» были имплантированы и вшиты новенькие молодые козлиные тестикулы.

Вся процедура была рассчитана на десять минут. Через пятнадцать минут присутствующие стали переглядываться. Доктор Бринкли прекратил объяснения и сосредоточился на работе. Двадцать минут, тридцать... Хотя доктор и не выказывал признаков тревоги, но некоторые из наблюдавших почувствовали, как в виски им ударяет ужас при одном только смутном подозрении, что, может, пациент этот... Не следует ли вмешаться? Несомненно, ощущая некоторую неловкость, доктор на секунду приостановился, стянул с лица маску и одарил присутствующих ободряющей улыбкой.

Прошло добрых сорок пять минут, прежде чем доктор сделал последний стежок кетгутового шва и отошел от стола. Мистер Икс, немного качаясь, сел с помощью сестры и неловко свесил ноги со стола; его повело вправо, но ему помогли, и он, сделав несколько глубоких вдохов, сполз со стола и с достоинством крепко выпившего покинул помещение.

Доктор Бринкли снял маску. Объявив операцию успешной, он откровенно признался в случившихся по ходу дела неожиданных осложнениях и, не сказав об этом прямо, все же дал понять, что эти осложнения стали для него счастливым поводом продемонстрировать не только свое мастерство, но и находчивость, в других обстоятельствах так и оставшуюся бы невостребованной. «Если у кого-либо из вас, джентльмены,

имеются пациенты, которые, как вы чувствуете, нуждаются в подобного рода манипуляции, — любезно заключил он, — мы будем рады произвести ее здесь».

Члены Медицинского совета штата Канзас поблагодарили его и попрощались, отправившись подкрепиться в «Бартел-Хаус», привокзальное заведение, находившееся неподалеку.

Спустя двое суток они единодушно отозвали лицензию доктора, лишив его возможности практиковать «ввиду грубой безнравственности и непрофессионализма его действий». Верховный суд Канзаса отклонил его апелляцию, нелестно охарактеризовав его как «пренебрегающего устоями эмпирика, чья практика находится вне зоны морали, что является весьма характерным для всякого рода самозванцев. Лицензиат преуспел в шарлатанстве, далеко превосходящем обычное мошенничество».

Надгробное слово произнесли в «Канзас-Сити стар»: «Супершарлатан из Милфорда потерпел крах».

Доверившись ему, люди трагическим образом оказались обмануты.

ГЛАВА 1

В годы, предшествующие Первой мировой войне, братья Райнхардт, Уиллис и Уоллес, владели целым рядом процветающих анатомических музеев — Лондонским медицинским институтом, Медицинским институтом Парижа, Гейдельберга, Копенгагена и прочими. Базируясь в Де-Мойне, Форт-Уэйне, Ист-Сент-Луисе и других городках Среднего Запада, эти предприятия занимались документированием и лечением «интимных мужских недугов». Большинство из них имело впечатляющие уличные витрины, экспонаты в которых, выставленные Райнхардтами, служили поводом для обсуждений их деятельности. Самый знаменитый экспонат, привезенный из Миннеаполиса, носил название «Умирающий Кастер»^{*}.

На этой роскошной трехмерной панораме он лежал, как святой Себастьян: его тело щетинилось стрелами, пронзившими его во всех направлениях. Краснокожие, трупы и грифы из гипса делали картину более зрелищной, но что заставляло прохожих толпиться возле витрины и буквально замирать перед ней на несколько минут — это медленное ритмичное дыхание

^{*} Имеется в виду Джордж Армстронг Кастер (1839—1876) — офицер американской армии, погибший в битве с индейцами сиу. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*